

И. Карпов. Из книги «Дети-герои»

Лера – Артиллерист

Киев от Алтухово находился к четырёхстам километрах, и Лера никогда там не бывала. Но с первых дней войны она часто слышала по радио, что фашисты бомбят Киев.

Именно туда, на защиту украинской столицы, в первые дни войны ушли на фронт все пять её старших братьев и сестра Аня. Только вчера от Ани она получила письмо, сестра сообщала, что работает хирургом в полевом госпитале вблизи Киева..

Лера бежала домой без оглядки и прямо с порога выпалила: «Пусти, мама!»

Тяжёлый разговор вышел. Мама плакала: «Шестеро ушло уже против немца, и ты туда же!» Осунувшаяся, с заострёнными чертами лица, поседевшая за этот месяц войны, мать ходила по комнате, повторяя: «Не пущу!», а сама... торопливо собирала узелок с продуктами. Она ведь знала – не удержать дочь дома. Да и обойдет ли их дом беда, где из шести детей, ушедших на фронт, – четыре коммуниста и два комсомолец. И Лера туда-же... «Что ждёт здесь Леру, если фашисты войдут в Алтухово?.. А в Киеве – Аня. Она сумеет позаботиться о Лере. Пристроит при госпитале санитаром или ещё кем-либо»... Так думала старая женщина, мать шести солдат Татьяна Васильевна Соколова, собирая дочь в дальнюю дорогу, не ведая о том, что провожает на фронт седьмого бойца.

... Окоп Лера рыла старательно, подчищала каждую стенку, чтобы был он подлинной крепостью для солдата. Только один раз, оторвавшись от работы, посмотрела на голубую ленту Днепра. До чего же красиво!

Внезапно Лера упала на дно своего окопа. Бомбы рвались у самого бруствера, осыпая землей, щебёнкой и какими-то горелыми кореньями. А когда утих грохот взрывающихся бомб, девочка посмотрела на поле и увидела цег и фашистов. «Значит... Значит, они уже обошли наших! – молнией пронеслась мысль, от которой перехватило дыхание. – Что же теперь? Куда, в какую сторону бежать?»

Она переползла в соседний окоп к Ане Кузнецовой – десятикласснице из Воронежа.

– Что будем делать, Аня? – спросила Лера тихо, что собственного

голоса не услышала. – Может, туда, в кукурузу? – показала на зелёное поле Лера. – В той стороне Киев.

– Давай, только тихо, – согласилась Аня.

... Обессиленные, они свалились в какой-то окоп и неожиданно оказались в нескольких шагах от орудия. Солдаты, со звездочками на пилотках, разворачивали пушку в сторону Днепра.

– Наши! – прошептала Лера.

– А вот и подкрепление, командир! – сказал стройный, смуглолицый артиллерист, указывая на девочек.

Нам нужны санитары. Перевязывать умеете, девочки? – сказал он, не спрашивая, кто они и откуда.

– Умеем, конечно, умеем. В школе в сандружине были, – ответила за двоих Лера. – Только дайте сперва, попить, немножечко хотя бы.

Со всех сторон потянулись к девочкам баклажки с водой. Пили они жадно, большими глотками, такой уж вкусной показалась днепровская вода.

... В санитарях Лера пробыла всего два часа. При очередном налете «мессершмиттов» убило связиста, и девочка заменила его: стала у телефона и передавала орудийному расчету приказы| комба-

та. Через день ей снова пришлось сменить военную специальность – погиб заряжающий. Наводчик стал у замка орудия, а Лере приказали быть наводчиком.

– А сумею я? – растерянно спросила девочка и села на место наводчика.

– Смотреть надо в окуляр, вот в этот одноглазый бинокль, а руку всё время держи на рукоятке наводки, – ворчливо пояснял сержант Иван Хворостян, явно недовольный тем, что наводчиком будет девочка. – Главное, чтобы на перекрестке нитей находилась фашистская сволочь. Понятно?

Лера молча кивнула головой и старательно ловила цель на перекрестке нитей окуляра.

Через некоторое время полк, в котором воевала Лера, попал в окружение. Вместе с артиллеристами, пока ещё не зачисленная ни в одно подразделение, ещё в своей домашней одежде, пробивалась девочка тылами врага к своим.

Из окружения вышли в районе Смоленска и сразу же вступили в бой. Именно здесь, вблизи Смоленска, Лера стала полноправным солдатом, боевым номером артиллерийского расчёта отдельного артполка 16-й армии. Здесь получила новенькую армейскую форму. Сюда, после долгих поисков полевой почты, номер которой успела сообщить Лера сестре, – пришло первое письмо от Ани.

«На самолёте меня вызвали к партизанам, – писала сестра. – И там, радость-то какая! – я увидела маму. Огорчило другое: как мать сыновей-коммунистов её гитлеровцы избили и отправили в концлагерь Майданек. Но партизаны напали на поезд и освободили узников... Измученная, но живая и гордая, стояла передо мной наша мама...»

Лера несколько раз перечитала эти строки, тайком вытирая слезы. «Это они за тебя, мама, и за меня!...» Раздался сигнал тревоги, и Лера, спрятав письмо, поспешила к орудию.

– Батарея... к бою! – услышала она команду сержанта Хворостяна. – Бронебойным... заряжай!

Никогда так тщательно не ловила Лера в прицел фашистский танк, как здесь, на Смоленской дороге, по которой гитлеровцы рвались на Москву.

– Не пройдешь, гад! Не пройдешь! – шептала девочка, удерживая перекрестье нитей у основания башни. Танковое орудие спешно поворачивалось в сторону батареи...

... Выстрелы прогремели одновременно. От яркой вспышки Лера закрыла глаза и склонилась к бронированному щитку. По металлу забарабанили, заскрежетали осколки, и девочка почувствовала сильную боль в бедре. На ногах все же устояла и закричала «ура!», когда увидела пылающий танк. Только потом упала на руки командиру и потеряла сознание...

Месяца три юнармеец Соколова лежала в тыловом госпитале; один осколок так и остался в ноге.

Нелегко было Лере доказать врачебной комиссии, что она уже не маленькая, в боях-то каких была! А теперь, когда наши перешли в наступление и разбили немцев под Москвой, когда во всю мощь гремит «бог войны», ей запрещают быть среди своих же артиллеристов! Это несправедливо!

– Притом... притом мне, собственно, некуда ехать, – упорно твердила Лера на комиссии. – Моя Брянщина под фашистами. Освободим Алтухово – тогда комиссуйте. А сейчас пустите на фронт, кем угодно, хоть санитаром.

– Но ведь маленькая же, – упорствовал председатель комиссии.

– А я, между прочим, фашистский танк подбила, и горел он по-настоящему. Ему всё равно, кто его подбил, – маленький или большой, горел и всё...

Много других примеров приводила Лера, отстаивая своё право быть в строю фронтовиков. Уступили её просьбам, разрешили вернуться на фронт.

Пока Лера лечилась, советские войска отбросили фашистов на триста километров от Москвы. И вот теперь юнармеец Соколова вернулась на свои позиции, даже пушки стояли на том самом месте, где она подбила вражеский танк. Жаль, только не к своим ребятам попала. Совсем другой полк стоял здесь.

В 177-м гвардейском артиллерийском полку полевой артиллерии Леру приняли тепло. Воины первого орудия, где она была наводчиком, в своей землянке соорудили ей из одеял специальный уголок. Над входом висела строгая надпись: «Посторонним вход воспрещен!» Близилось 8 марта, и каждый артиллерист готовил Лере подарок – единственной женщине артполка...

С новой техникой девочка освоилась быстро и уже трижды принимала участие в отражении танковых атак. Слава о точном глазомере юнармейца Соколовой дошла до комбата, и капитан Жуков прибыл в расположение первого орудия, чтобы лично познакомиться с наводчиком Соколовой.

– Лера? – переспросил он, впервые услышав такое имя.

– Так мама называла, – густо краснея, пояснила девочка, задержав пальцы своей руки на сильной ладони комбата. – А в метрике записано Калерия.

– Ну, что же, хорошее имя, – мягко улыбнувшись в широкие черные усы, сказал комбат. – Лерой и мы будем звать, как мама.

Батарея капитана Жукова вела непрерывный артогонь, отражая одну атаку гитлеровцев за дру-

гой. Большие потери несли и артиллеристы. Когда у первого орудия не осталось ни одного подносчика снарядов, Лера побежала на склад боеприпасов. Привязав лямки для переноса раненых за ящик, девочка волоком тащила снаряды к своему орудию. «Ещё немножко, ещё три шажка», – уговаривала она себя, напрягая последние силы, чтобы втащить ящик на бруствер. И тут она увидела, что снаряды уже не нужны: орудие разбито, изуродовано, опрокинуто. Рядом у лафета, плотно прижавшись спиной к орудию и запрокинув головы назад, полулежали сержант Федор Кустов и заряжающий Кузьма Бондаренко, оба молодые, сильные, красивые. Присев на ящик и уронив голову на колени, девочка впервые за всю войну заплакала.

Ой, мамочка, что же мне делать?

Долго стоял молча над Лерой капитан Жуков. – Ну, ну. Не гоже гвардейцу слезы лить! – и присел рядом с Лерой. – За каждого мы втрое отплатим! Будем бить, пока не сметём всех оккупантов с нашей земли. А сейчас вытри слезы, доченька. Главное, нужно вынести всех раненых, – как о давно решённом сказал комбат. – Вот и помоги санитарам. А там – новые орудия получим, хороших ребят подберём. И ударим по гитлеровцам во всю мощь нашу.

... Уложив на плащ-палатку, – иначе не хватало сил, – выволакивала раненых Лера. К вечеру отправила в госпиталь одиннадцать солдат и пять офицеров, среди них оказался и молоденький

лейтенант, которого встретила Лера в Алтухово при поездке на сооружение оборонительной линии.

На рассвете фашисты обрушили бомбовый удар на позиции артполка. Был разбит и КП комбата. Лера кинулась

туда. Раскидав обломки брёвен, она нашла капитана Жукова, истекающего кровью. Как могла, наложила жгут, быстро подсунула палатку под комбата и, поднявшись во весь рост, потянула его в полковой медпункт.

Фашисты заметили санитаря, взяли под прицел маленькую фигурку. Снаряды рвались рядом, поднимая клубы дыма, грязи. В этом аду кромешном Лера потеряла ориентировку, не знала, куда тянуть раненого. Вокруг свистели осколки, девочка прикрыла собой комбата. Так и лежала до прихода санитарной машины. Упросила фельдшера сопровождать командира до госпиталя. А там сказали:

- Большая потеря крови, вряд ли выживет.
- Он не должен умереть, не должен! Возьмите у меня кровь, – предложила она хирургу.

... Уже в палате, придя в сознание и увидев сидящую рядом Леру, комбат как-то неестественно улыбнулся:

– Значит, мы теперь родные по крови, доченька? Через три дня комбата не стало. Лере хотелось плакать, но слёз не было, словно что-то запеклось внутри. Одно желание было у девочки: вернуться на передовую и мстить, мстить за комбата, за Аню Кузнецову, недавно погибшую в бою, за всех павших однополчан.

... До батареи Лера не доехала метров триста. Помнит только, как назойливо выл «мессершмитт», как потом трянуло машину, как пронизывающая боль вошла в грудь и... уже совсем без боли, мягко она всё падает и падает куда-то...

... Почти два месяца ничего не слышала и не могла говорить. Думала – всё, не воевать ей больше. И не сможет она, юнармеец Соколова, как мечталось, дойти до Берлина и поставить свою подпись на стенах рейхстага. Но ещё раз улыбнулось Лере счастье – болезнь отступила: вернулись речь и слух, зажили раны. Здесь, в госпитале, нашла её первая большая награда – орден Отечественной войны II степени. Он был присужден ей за мужество и героизм, проявленные в боях под Смоленском, и вынос с поля боя 16 раненых. Когда повторно Лера предстала перед врачебной комиссией, то именно боевой орден послужил последним аргументом девочки, давшим ей право вернуться в строй фронтовиков.

И в этот раз после госпиталя Лера не попала к своим гвардейцам. 217-й зенитный полк 60-й армии переводился в резерв Главного командования. Полку нужны были опытные, обстрелянные наводчики. К числу опытных отнесли и пятнадцатилетнюю Леру Соколову.

И вот уже в окуляр своего прицела ловит она фашистские истребители, бомбардировщики, штурмовики. Держа на прицеле бомбардировщик, который сбрасывал бомбы на позиции зенитчиков, ей порой казалось, что летят они прямо в её окуляр. Но ни

разу Лера не сняла руку с рукоятки наводки.

За сбитый «женкель-111» и «мессершмитт» гвардии сержант Соколова награждается медалью «За отвагу» и ей вручается значок «Отличный артиллерист».

... По долине ползли немецкие танки «фердинанды». Командир 3-го орудия сержант Петр Шитро испытывающе посмотрел на Леру: «Выдержит ли девочка, ведь первый раз против таких чудовищ стоит». У него, уже бывалого истребителя «тигров» и «пантер», от мощного рёва «фердинандов» холодела спина. Лера спокойно вращала рукоятку наводки, стараясь поточней поймать в окуляр первый пятнистый танк. Чётко было видно, как пробуксовали гусеницы в песчаном грунте. Огромный ствол пушки неустойчиво прыгал в перекрёстке нитей, приближаясь и увеличиваясь в размерах.

Первый залп оглушил девочку, но руки её твердо лежали на прицеле. Но увы, снаряд срикошетил! Стиснув зубы, морщась от гула ползущих громад, девочка опять прильнула к окуляру. Залп – Лера первой закричала «ура!» – и задымился «фердинанд», закружил на месте, врезаясь в песчаный грунт.

– Наводчик Соколова, принимайте орудие! – услышала Лера приказ сержанта Шитро, заменившего убитого командира взвода.

– Есть принять орудие! – ответила Лера и продолжала бой, выполняя одновременно обязанности наводчика и командира орудия. Как только на перекрёстке нитей окуляра появлялся фашистский танк, она отдавала команду: «Огонь!», и пушка продолжала громить врага.

В этом бою они подбили еще два «фердинанда» и одного «тигра». Бронированная атака фашистов захлебнулась. Наши войска начали переправу через Днепр. За этот бой и прикрытие переправы через Днепр наводчик орудия гвардии сержант Соколова, ставшая в бою командиром орудия, была награждена вторым боевым орденом – Отечественной войны I степени.

Оставив позади освобождённые Воронеж, Курск, Нежин, Киев, Тернополь, Львов, наши войска вступили в Польшу. Внезапно гитлеровцы начали обстрел позиций 217-го зенитного полка. Лера заметила, что загорелись стеллажи со снарядами. Рядом стояла не разгруженная машина с боеприпасами. Не раздумывая, Лера кинулась к стеллажам: начала сбивать огонь, разносить горящие ящики и засыпать их песком. Когда в батарейном ровике остался последний ящик, объятый пламенем, Лера схватила его и побежала к обрыву... Снаряды взорвались в трёх метрах над обрывом...

Однополчане нашли Леру у обрыва в полусторевшей одежде, всю иссечённую осколками. В полевой госпиталь артиллеристы отнесли девочку на руках.

... Не горюй, Лера, что не дошла до Берлина. Твои друзья-однополчане продолжили этот путь. И теперь с каждым новым залпом по врагу они неизменно добавляли: «За нашу Леру вам, проклятые!». Они прошли остаток пути без тебя, неся добрую память об отважном боевом наводчике, самой юной девочке-артиллеристе 1-го Украинского фронта.

... Кавалер двух орденов и восьми медалей, отличный артиллерист, гвардии сержант Лера Соколова долго лечилась в тыловом госпитале Свердловска. И только накануне Дня Победы прибыла в Москву, нашла здесь свою сестру, и они вместе, ликовали на Красной площади в первый день мира.

... Многие годы Лера Соколова жила в Москве. Там нашла своё семейное счастье... Сейчас Калерия Петровна Соколова-Олькина живёт в Симферополе. В День Победы шлют ей поздравительные телеграммы однополчане-артиллеристы, зовут в гости, приглашают на встречи ветеранов полка.

Только вот куда ехать: ведь была она дочерью трёх артиллерийских полков, и все три полка для неё дороги и близки, во всех трёх она оставила частицу своего сердца...

